

НА ПОЛЯХ НОМЕРА

СЛУШАЯ АНДРОНИКОВА

Я поставил пластинку. В тишине раздался голос.

Это был необыкновенный голос — полный благородного изящества и какой-то восточной грации; сила и нежность, жалоба и гордость, капризная изысканность и великолепная простота интонаций составляли единое гармоническое сочетание, всякий раз необычайно волнующее даже привычный слух.

— Остужев!

Конечно, это был Остужев. Но вместе с тем это не был Остужев. Это был Андроников. Он заставил нас поверить в то, что мы слышим Остужева, рассказывающего о Шаляпине, и — мало того — Остужева, показывающего Шаляпина, говорящего шаляпинским басом...

«...А он сидит раздетый до пояса перед тройным зеркалом-складенем, смотрит на себя недовольно, хмыкает и моргает своими белыми ресницами... Он поет сегодня партию свирепого военачальника Олоферна в опере Серова «Юдифь»... Потрогает, помнет свою физиономию, чтобы узнать, из чего она у него сегодня сделана, встряхнет бороду, прикинет к лицу. И щурится... Налюбовался, придвинул нарандаши, краски, начал класть смуглый тон, удлинил разрез глаз, вытемнил ямки у переносья, нахмурился, кашлянул — прокатил голосом первую фразу... Не отнимая от лица бороды, Шаляпин опустил голову, поднял бровь, ткнул носом — смотреть страшно!»

Ярко, сочно, пластично — великолепно написан этот портрет! Но ведь все это и звучит с пластинки — звучит, произносимое с остужевским темпераментом, с остужевскими интонациями, с остужевской ослепительной красочностью!..

Где-то на середине рассказа спохватываешься: ведь сейчас говорит не Остужев, а сам Андроников; остужевского в его голосе — чуть-

чуть! Он как будто увлекся и забыл, кого играет...

Он не забыл. Остужев в полную силу звучит там, где это художественно необходимо, — как звучат эпитет и метафора, как звучат рифмованные строки в монологе, написанном белым стихом. Ради этого и собственный могучий голос артист приглушает... Андроников-актер использует свое собственное писательское слово как средство сценического воздействия: Андроников-писатель включает в арсенал своих писательских приемов слово звучащее. И потому, когда портрет гримирующегося Шаляпина рисуется остужевскими красками, то не просто портрет мы видим, — непостижимым образом возникает перед нами живой, движущийся и достоверный образ целой эпохи в русском искусстве. И именно это заставляет не формально существовать, а жить мысль о том, что значит в искусстве труд.

В рассказах «Горло Шаляпина» и «Ошибка Сальвини» много юмора, но оба они высоко патетичны. В рассказе «Первый раз на эстраде» юмор — то чуть грубоватый, то тонкий и блестящий — бьет фонтаном, все краски предельно сгущены, забавное предстает гомерически смешным. И столько во всем этом жизнерадостности, любви к искусству, художественной правды, что понимаешь: и этот легкомысленный рассказ существует на свете не зря, и в нем есть свой пафос...

Теперь, благодаря трем долгоиграющим пластинкам, не только с эстрады или по радио можно будет услышать Ираклия Андроникова. Жаль лишь, что, опустив иглу на пластинку, нельзя еще и увидеть его.

В. НЕПОМНЯЩИЙ